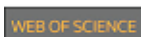

Кихней Л. Г. Отрывок «Макбета» У. Шекспира в переводе и истолковании Анны Ахматовой / Л. Г. Кихней, А. В. Ламзина // Научный диалог. — 2020. — № 9. — С. 222—234. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-222-234.

Kihney, L. G., Lamzina, A. V. (2020). An excerpt from “Macbeth” by W. Shakespeare, translated and interpreted by Anna Akhmatova. *Nauchnyi dialog*, 9: 222-234. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-222-234. (In Russ.).

821.111Shakespeare.032=161.1

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-222-234

ОТРЫВОК «МАКБЕТА» У. ШЕКСПИРА В ПЕРЕВОДЕ И ИСТОЛКОВАНИИ АННЫ АХМАТОВОЙ

© Кихней Любовь Геннадьевна (2020), orcid.org/0000-0003-0342-7125, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории журналистики и литературы, образовательное частное учреждение высшего образования «Институт международного права и экономики имени А. С. Грибоедова» (Москва, Россия), lgkihney@yandex.ru.

© Ламзина Анна Владиславовна (2020), orcid.org/0000-0001-6464-9675, старший методист департамента иностранных языков, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)» (Долгопрудный, Россия), alamzina@mail.ru.

Рассматривается перевод отрывка из трагедии У. Шекспира «Макбет», выполненный А. А. Ахматовой в 1933 году. Представлены результаты сопоставительного анализа текста оригинала и текста перевода. Поднимается вопрос о целеустановке перевода: доказано, что Ахматова не намеревалась переводить текст трагедии полностью, и выполненный ею перевод отрывка представлял собой не набросок к несостоявшемуся переводу, а попытку погрузиться в семиосферу «Макбета». Актуальность исследования обусловлена подробным анализом текста перевода, ранее не подвергавшегося тщательному литературоведческому исследованию. Новизна исследования видится в том, что авторы выделяют в выполненном Ахматовой переводе семиотические сдвиги, касающиеся образа Макбета: в трактовке Ахматовой он отличается от трактовки Шекспира. Авторы останавливаются на текстовых лакунах перевода и показывают их значимость для понимания образа Макбета: Ахматова элиминирует в тексте все моменты, которые могли бы характеризовать Макбета положительно. Особое внимание уделяется отсылкам к «Макбету», появившимся в творчестве Ахматовой после ее перевода означенного отрывка. Доказано, что этот перевод стал генератором собственных художественных идей Ахматовой, развертываемых в «шекспировском» ключе.

Ключевые слова: художественный перевод; интерпретация; образ Макбета; исторический контекст; трагедия.

1. Введение

В 1933 году Анна Андреевна Ахматова выполняет перевод небольшого отрывка трагедии У. Шекспира «Макбет»: фрагмента третьей сцены перво-

го акта. Этот перевод был впервые опубликован в 1980 году за рубежом и в 1989 году в России (Литературное обозрение. 1989. № 5. С. 18—21) с предисловием Р. Д. Тименчика [Тименчик, 1989, с. 18].

Переведенный Ахматовой отрывок «Макбета» в литературоведческом поле, за исключением комментария Р. Д. Тименчика [Тименчик, 1989, с. 18—21] и следующей в его фарватере Н. В. Королевой [Королева, 2004, с. 35], практически не подвергался анализу, хотя этот перевод весьма любопытен с нескольких точек зрения. Во-первых, он в какой-то мере ставит вопрос о мотивах, побудивших Ахматову к переводу именно этого фрагмента текста шекспировской трагедии. Во-вторых, в этом переводе ставится проблема ахматовской интерпретации шекспировской трагедии в контексте истории и современности.

Об Ахматовой-переводчице написано относительно мало научных исследований [Козубовская и др., 1998; Кормилов и др., 2013, 2014] по двум причинам. Первая из них — отношение Ахматовой к переводам как к второстепенной деятельности (см. об этом [Королева, 2004]), вторая — трудность диверсификации переводов, выполненных непосредственно Ахматовой, и переводов, которые делались коллективно с ее участием [Харджиев, 1992, с. 230—232]. Отсутствие подробного анализа выполненных Ахматовой переводов и внесенных ею в тексты семантически значимых переводческих новаций обусловило новизну настоящего исследования перевода отрывка из «Макбета».

2. Мотивы выбора А. А. Ахматовой фрагмента для перевода

Р. Д. Тименчик утверждает, что обращение Ахматовой к «Макбету» было обусловлено интересом к образу леди Макбет ее современников [Тименчик, 1989, с. 18] — Владислава Ходасевича и Анны Радловой. Однако названные поэты обращаются к образу леди Макбет двенадцатью годами ранее, в 1921 году. В том же году написано цитируемое Тименчиком стихотворение Ахматовой «Пусть голоса органа снова грянут...», строчку из которого *В крови невинной маленькие руки* Тименчик считает первым обращением Ахматовой к макбетовской теме. Между тем, образ «рук в крови» отсылает скорее к стихотворению Ахматовой 1917 года «Когда в тоске самоубийства...» [Ахматова, 1998, с. 316], в котором кровь на руках является символом коллективного греха России, допустившей революционный террор. Этот образ, в свою очередь, восходит к стихотворению Н. А. Некрасова «Рыцарь на час», в котором упоминаются «ликующие, праздно болтающие, / обагряющие руки в крови» [Некрасов, 1981, с. 138] революционно настроенные интеллигенты.

Незаконченным же перевод остался, по версии Тименчика, в связи с тем, что в 1934 году были опубликованы два перевода «Макбета», выполненные Сергеем Соловьевым и Анной Радловой [Тименчик, 1989, с. 18]. Однако эта версия может быть скорректирована. Ведь существование означенных переводов не помешало впоследствии ни Б. Пастернаку, ни М. Лозинскому перевести эту трагедию. И при нелюбви Ахматовой к переводческой деятельности (отнимающей, по ее мнению, у поэта творческие силы, необходимые для создания собственных произведений), возможно, она и не планировала перевод всего текста трагедии.

Более того, в начале 1930-х годов Ахматова не только не занималась стихотворными переводами, но и отвергала саму мысль об этом. Н. В. Королева цитирует фразу, сказанную Ахматовой в ответ на просьбу Н. Я. Берковского перевести что-нибудь из Гейне: «Я стихов не перевожу» [Королева, 2004, с. 8]. Это было сказано как раз в начале 1930-х годов — синхронно с обращением к тексту «Макбета». Тогда Ахматова уже активно переводила прозу, в частности письма Рубенса, однако от профессионального перевода поэзии отказывалась, обращаясь к переводам стихов, как указывает Н. В. Королева, «для себя». Это позволяет предположить, что перевод «Макбета» выполнялся не по заказу издательства и не в надежде на оный, а для более глубокого погружения в стихию художественного языка Шекспира.

Итак, по нашей гипотезе, выполненный Ахматовой перевод отрывка из «Макбета» являет собой не черновой набросок к несостоявшемуся переводу, а переводческую интерпретацию фрагмента, который представлялся поэтессе особенно значимым; кроме того, он творчески и философски интриговал ее.

Ахматова переводит текст, содержащий пророчества трех ведьм и последующую реакцию Макбета и Банко на их предсказания. Отрывок взят из середины третьей сцены и обрывается на реплике Банко, последняя его фраза не закончена.

Примечательно, что этот фрагмент включает в себе свернутый сюжет всей трагедии: момент зарождения злого умысла и жажды власти в Макбете. Переведенный Ахматовой эпизод представляет собой смысловой ключ ко всему тексту, и обращение именно к этому отрывку, как нам представляется, было обусловлено политическим контекстом, инспирировавшим размышления Ахматовой над мистическими соблазнами воли к власти и ее последствиями, разрушающими личность.

Разворачивающаяся на глазах Ахматовой цепочка политических злодеяний и террора невольно напоминала контекст пьесы, в которой смелый и отважный полководец превращается в убийцу и злодея. Последовательное

погружение Макбета в мир зла, усиление в нем «темной» составляющей проецировалось на реальные исторические события начала 1930-х годов: узурпирование власти Сталиным и последовательное устранение соперников в борьбе за власть. Помимо этого, в 1933 году к власти приходит Гитлер. Ахматова, чутко реагирующая на события в Европе, ощутила эту точку напряжения: момент, когда в лидере начинает зреть тиран.

В. Рецептер упоминает, что Ахматова сравнивала казнь Марии Стюарт, которая, по ее версии, вдохновила Шекспира на написание «Макбета», с убийством Кирова (произошедшим 1 декабря 1934 года): «От казни Марии Стюарт до появления трагедии прошло не так много времени — говорила Ахматова, — событие не слишком отдалилось, примерно так, как от нас — убийство Кирова» [Рецептер, 1987, с. 200]. Эти слова были произнесены Ахматовой в 1965 году, то есть 31 год спустя после убийства Кирова. Версия о причастности Сталина к этому убийству активно обсуждалась в 1960-х годах и была эксплицитно описана Н. С. Хрущевым в мемуарах, опубликованных в 1970 году [Хрущев, 2016, с. 44]. Аналогия с Макбетом и Банко (убийство ближайшего соратника с целью обезопасить себя от его возможных притязаний на власть) была достаточно очевидна, особенно с учетом того факта, что в 1920—1930-х годах перевод для многих известных поэтов стал своего рода «эзоповым языком»: словами перевода они говорили читателю то, о чем не могли сказать открыто [Королева, 2004, с. 35].

Ахматова выбрала для погружения в мир Шекспира один отрывок, но, безусловно, была знакома с текстом «Макбета» в оригинале полностью. Это подтверждается в том числе воспоминаниями Юрия Олеши: «Она заговорила о том, что переводит “Макбета”. Там есть, сказала она, строки, где герой говорит, что его родина похожа больше на мачеху, нежели на мать, и что люди на его родине умирают раньше, чем вянут цветы у них на шляпах» [Олеша, 1965, с. 159]. Эти слова произносит Росс ближе к концу трагедии, когда Макбет уже стал тираном и узурпатором. Однако Ахматову интересует именно момент зарождения зла, первое звено цепи, «точка невозврата». Для доказательства этого факта обратимся к внесенным ею в текст изменениям.

3. Макбет Ахматовой и Макбет Шекспира

Перевод Ахматовой заканчивается на словах Банко: *Вера в это / Должна в вас страсть к престолу возбудить...* [Ахматова, 2004, с. 265]. Между тем после этого Банко произносит еще несколько строк:

*Besides the thane of Cawdor. But 'tis strange:
And oftentimes, to win us to our harm,*

*The instruments of darkness tell us truths,
Win us with honest trifles, to betray's
In deepest consequence.
Cousins, a word, I pray you* [Shakespeare].

Эти слова Банко обесценивают пророчество: фактически, он пытается объяснить Макбету, что два сбывшихся предсказания вовсе не означают истинности третьего, наиболее невероятного. Банко сообщает о том, что силы зла могут сказать и правду, чтобы спровоцировать еще большую ложь — однако мысль о троне уже захватила Макбета.

Ахматова выбирает из текста Шекспира момент «зарождения зла» — метаморфозу Макбета, который появляется на сцене доблестным полководцем, а покидает ее уже задумавшим недоброе злодеем. Фактически, в этой сцене свернут весь сюжет трагедии: предсказание провоцирует главного героя на многочисленные убийства и злодеяния. Сознательность и значимость ее переводческого выбора подтверждается ее отношением к тексту подлинника, о котором пишет Арсений Тарковский: «...подлинный переводчик стихов прежде всего поэт, участник великой круговой поруки добра и правды, <...> поле его деятельности — весь мир и все времена, устремленные к грядущему» [Тарковский, 1965, с. 11]. Дальнейшие слова Банко, не переведенные Ахматовой, уже не значимы: все, что должно было состояться, уже состоялось и предсказано.

Помимо окончания текста практически на полуслове, в переводе Ахматовой также пропущено несколько строк: во-первых, в ситуации, когда Росс пересказывает восхищение короля доблестью Макбета, отсутствует перевод описания второй, вечерней битвы. Также пропущены слова *for an earnest of a greater honour* [Shakespeare] в следующей реплике Росса: *И в знак ... / Король велел приветствовать тебя / Как тана Кавдора* [Ахматова, 2004, с. 264].

Вполне возможно, что Ахматова не нашла нужным слов для перевода соответствующих пассажей и предполагала вернуться к ним позже. Однако можно предположить и то, что лакуны в переводе — намеренные. Прославление Макбета не может звучать после пророчества ведьм, так как пророчество разбудило в Гламисском тане зло, он как бы сам превратился в орудие зла, хотя этого пока еще не видят его друзья. Под внешней оболочкой доблестного воина и полководца, по Ахматовой, скрыт уже совсем не тот отважный герой: превращение в тирана уже началось.

При переводе строк Шекспира Ахматова приняла ряд интересных переводческих решений, которые позволяют подтвердить гипотезу о намеренной незавершенности перевода и допущении лакун.

Прежде всего, в тексте «Макбета» присутствует игра слов, с чем связаны трудности перевода на русский язык. Увидев ведьм, Макбет говорит им: *“Speak, if you can: what are you?”* [Shakespeare], обращая к ним вопрос, нацеленный не на выяснение их природы, сущности: *“Who are you?”*, а на выявление их статуса, профессии — *“What are you?”*. Столкнувшись с незнакомцем, носитель английского языка скорее спросит: *“Who are you?”* И логичным ответом на этот вопрос будет называние имени, а ответом на *“What are you?”* будет фраза типа «Я — учитель». Макбет запрашивает ведьм об их статусе, и в ответ получает информацию не о них, а о себе самом: они называют три последовательных статуса Макбета — тан Гламиса, тан Кавдора, король. В русском языке передать семантическую разницу между *who* и *what* в данном контексте достаточно затруднительно, и Ахматова как бы переносит акцент в первую часть фразы: ее Макбет говорит не «скажите мне, если можете», а «скажите мне, как можете» — то есть он не просит, а требует любым способом дать ему информацию, что придает его фразе оттенок военного «Стой! Кто идет?». С первых же своих фраз Макбет Ахматовой более суров и требователен, чем герой Шекспира, хотя пророчество еще не произнесено, и перерождение пока не началось.

Обращаясь к ведьмам, Макбет рассуждает о вероятности исполнения их пророчеств: он знает, что он — тан Гламиса, однако считает, что не может стать таном Кавдора и тем более — королем. В оригинале представлена градация:

*By Sinel's death I know I am thane of Glamis;
But how of Cawdor? the thane of Cawdor lives,
A prosperous gentleman; and to be king
Stands not within the prospect of belief* [Shakespeare].

Если статус тана Кавдора вызывает у Макбета лишь вопрос, то статус короля *“stands not within the prospect of belief”*. В английском языке, чрезвычайно чувствительном к выстраиванию условных конструкций с грамматическим указанием на то, насколько вероятно наступление данного события, присутствуют три типа условных предложений: вероятное, маловероятное, невозможное. Эта градация присутствует в картине мира носителя английского языка, и именно к ней невольно обращается Макбет: статус Кавдорского тана не кажется ему совсем невозможным — мешает лишь то, что, по его представлениям, человек, носящий титул тана Кавдора, жив и благополучен. А статус короля представляется Макбету практически невозможным.

Ахматова, переводя этот фрагмент, учитывает отсутствие этой градации в русском языковом сознании и переводит так: *А стать царем — /*

Ведь это же не больше вероятно, / Чем Кавдором [Ахматова, 2004, с. 263]. Ее герой не градуирует вероятности, а выстраивает тождество. В этом и состоит корень зарождения зла: стать таном Кавдора = стать королем. Стал Кавдорским таном = стану королем. С момента, когда Макбет узнает, что действительно стал таном Кавдора, у него больше нет сомнений в верности дальнейшего пророчества, он признает как факт: «то, что больше, ждет меня в грядущем» [Ахматова, 2004, с. 265].

При этом Макбета волнует часть пророчества, касающаяся Банко: тому предсказано, что его потомки станут королями. Для Макбета это означает, что его род не будет продолжать династию, причем на момент описываемых событий он бездетен. В переводе Ахматовой есть намек на то, что он надеется все же на продолжение рода. После исчезновения ведьм Макбет говорит: *О, королями будут наши дети* [Ахматова, 2004, с. 263], тогда как в оригинале он однозначно использует слово, выражающее смысл «твой» / «ваш», но никак не «наш»: *Your children shall be kings* [Shakespeare]. Размер стихотворения никак не мешал Ахматовой использовать слово *ваши* (**королями будут ваши дети*), и в ее переводе Макбет и Банко обращаются друг к другу на «вы», хотя Росс, например, обращаясь к Макбету, использует форму на «ты».

В переводе Ахматовой усилена зарождающаяся ненависть Макбета к Банко. Когда пророчество начинает сбываться, ее Макбет говорит, обращаясь к Банко: *Не будут ли царями ваши дети / Затем что те, что мне сулили танство / Кавдорское, им обещали трон* [Ахматова, 2004, с. 265]. То есть для Макбета это предсказание даже важнее, чем его собственный королевский статус в будущем. Он опасается, что указанное пророчество сбудется, поэтому и ставит вопрос в отрицательную форму: *Не будут ли...*

В дальнейшем в шекспировском оригинале мотив зависти Макбета Банко яснее всего проявляется в сцене второй встречи новоявленного короля с ведьмами: Макбет чрезвычайно опечален тем фактом, что потомки Банко будут царствовать, а дух убитого Банко с торжеством указывает ему на своих правнуков. Подспудно этот мотив зависти и ненависти к Банко намечен в шекспировской завязке пьесы, и Ахматова в своем переводе усиливает его.

Знаменателен в этом отношении и следующий фрагмент перевода: когда ведьмы исчезают, Макбет Шекспира сожалеет о том, что они исчезли и ничего больше не расскажут: *“Would they had stay’d!”* [Shakespeare] («О, если бы они остались!»). Макбет Ахматовой лишь констатирует: «*Не осталось*», он словно даже рад этому — ведь ведьмы теперь не могут развить неприятную ему тему царствования потомков Банко.

В выбранной Ахматовой для перевода сцене, как в капле, отражается весь дальнейший сюжет «Макбета»: пророчество, зарождающаяся страсть к трону и ненависть к соперникам. Из переведенного фрагмента можно как бы развернуть всю дальнейшую трагедию, и любопытно, что в этом отрывке вся ответственность за дальнейшие злодеяния ложится именно на Макбета.

В сцене, переведенной Ахматовой, не содержится упоминаний о другом ключевом персонаже пьесы — леди Макбет, о ее роли провокатора преступления, о ее последующем сумасшествии и гибели. Аллюзии к «Макбету» в творчестве Ахматовой, в ее стихах и пьесах, созданных после работы над переводом, наоборот, касаются чаще всего именно образа леди Макбет: так, в стихотворении «Привольем пахнет дикий мед...», написанном в 1934 году, акцентирован именно момент несмываемости крови, неустраимости ее запаха, что отсылает к известным эпизодам шекспировской трагедии:

*Но мы узнали навсегда,
Что кровью пахнет только кровь...*

*И напрасно наместник Рима
Мыл руки пред всем народом,
Под зловеющие крики черни;
И шотландская королева
Напрасно с узких ладоней
Стирала красные брызги
В душном мраке царского дома...*
[Ахматова, 1998, 1, с. 423]

Жест умывания / отмывания рук спроецирован на два интертекстуальных образа: Понтия Пилата, не остановившего казнь, и леди Макбет, подстрекавшую к убийству. При этом леди Макбет названа «шотландской королевой», что отсылает к ее, по мысли Ахматовой, вероятному прототипу — Марии Стюарт [Рецептер, 1987, с. 199]. Стихотворение как бы «дописывает» то, чего нет в выполненном Ахматовой переводе отрывка «Макбета»: леди Макбет здесь — не столько провокатор преступления, сколько наказанная преступница, причем наказание сумасшествием исходит от нее же самой. Таким образом, Ахматова как бы замыкает этим стихотворением нарративный круг пьесы, одновременно кристаллизуя сюжетную закономерность «Макбета»: если завязкой является соблазн преступления, то развязкой становится неотвратимость и неминуемость возмездия.

В историческом контексте Ахматова придавала большее значение образу самого Макбета, а не его супруги. Два диктатора, чья история взлета

и падения разворачивалась на глазах Ахматовой, — Сталин и Гитлер — не нуждались в наущениях со стороны близких им женщин, зло зародилось и проросло в них самих. Образ леди Макбет чрезвычайно популярен в мировой культуре, в том числе и в русской литературе (ср. «Леди Макбет Мценского уезда» Н. С. Лескова и упоминавшиеся у Р. Д. Тименчика стихи Ходасевича и Радловой), но Ахматова полагает, что подстрекательство леди вторично: источником зла является сам Макбет.

4. Заключение

Отступления Ахматовой от текста Шекспира и внесенные ею трансформации поэтических строк касаются одного центрального персонажа отрывка — Макбета. Второй участник событий, Банко, также услышавший пророчество ведьм, интересен Ахматовой именно в трактовке Шекспира. Более того, по нашей версии, именно слова Банко являются центральными и наиболее значимыми во всем переведенном Ахматовой тексте. Обращаясь к ведьмам, Банко произносит:

*If you can look into the seeds of time,
And say which grain will grow and which will not* [Shakespeare].

Банко не видит в ведьмах ничего мистического или потустороннего (неслучайно именно он назвал их «пузырями земли»), однако признает, что они могут «смотреть в семена времени» и видеть, «какое семя прорастет, а какое нет» — то есть им ведомо будущее, уже «посеянное» в прошлом. Эти слова в переводе Ахматовой звучат следующим образом:

*Коль можете взглянуть в посев времен
И указать то семя, что прозябнет...* [Ахматова, 2004, с. 262].

Интересно использование архаичного *прозябнет* в значении ‘прорастет’: это приближает язык перевода к языку Шекспира, который был достаточно архаичен для читателей XX века. Образ «прорастания» будущего в прошедшем впоследствии возникает в «Поэме без героя»:

*Как в прошедшем грядущее зреет,
Так в грядущем прошедшее тлеет* [Ахматова, 1998, 3, с. 99].

В «Поэме без героя» также возникает образ «призрака» Банко (ср. в «Записных книжках» Ахматовой помету к двестишести: «Значит хрупки могильные плиты / Значит мягче воска гранит (Явление тени Банко на пиру)» [Ахматова, 1996, с. 112]), отсылающий к сцене пира, на котором Макбету явился призрак убитого им соратника [Кихней, 2014, с. 173—174]. Но, кроме того, «Поэма без героя» изобилует «зеркальными» призраками, также отсылающими к шекспировской трагедии, а именно ко второй встрече Макбета с ведьмами, во время которой призрак Банко

с торжеством указывает на своих внуков и правнуков, чередой проходящих в зеркальном пространстве. У Шекспира череда призраков — это представители не только прошлого, но и будущего — потомки Банко, которые еще не родились. Слова Банко о будущем, вырастающем из прошлого, — семантический ключ ко всей трагедии «Макбет». Помимо этого, использованный им образ имеет и метафорический смысл: речь идет не только о семени растения, которое прорастет или не прорастет, но и о потомках, мужском семени. Видя Банко и Макбета, ведьмы видят не только то, что Макбет станет королем, но и то, что прорастет семя Банко. Эта фраза переведена Ахматовой с удивительной точностью и является для нее значимой, потому что в словах шекспировского героя дана сложная мистическая диалектика прошлого и будущего, формула взаимодействия времен.

История начала XX века в России сопровождалась рядом мрачных пророчеств: существуют легенды о пророчестве Распутина, который предрек окончание царствования после своей смерти; зловещее предзнаменование видели в давке на Ходынском поле, с которой началось царствование Николая II. Пророчества сбывались и акцентировали внимание на том факте, что обещание власти порождает зло. Так, в 1930-х годах, когда еще был жив Троцкий и многие другие лидеры революции, свидетелям истории было очевидно, что идет борьба за единоличную власть, устранение соперников — и власть принимает совсем не тот, кто был ее достоин (ср. расхожий сюжет о завещании Ленина, в котором тот решительно отвергал вариант передачи власти Сталину). Лидеры нового государства на пути к власти сами проливали кровь и не нуждались в подбадривании и провоцировании супруги. Таков и Макбет Ахматовой: доблестный воин и полководец, в силу своего мистического переживания переродившийся в злодея. Небольшие изменения, внесенные Ахматовой в текст, пропуски некоторых значимых мест и усиление других формируют образ Макбета-злодея, который устранит любого, стоящего между ним и тронном.

Это было вполне в духе времени и находило живое подтверждение в истории России и мира — не случайно впоследствии, в ахматовском стихотворении «Лондонцам» события второй мировой войны будут названы «двадцать четвертой драмой Шекспира» [Ахматова, 1998, 1, с. 484], а далее сказано, что лучше «заглядывать в окна к Макбету», чем переживать ужасы войны.

В «пост-макбетовском» творчестве Ахматовой время от времени возникают явные и скрытые отсылки к трагедии Шекспира, представляющие собой своего рода семантическое развертывание и дополнение выполненного ею перевода.

Источники

1. *Ахматова А. А.* Записные книжки Анны Ахматовой (1958—1966) / А. А. Ахматова ; сост. К. Н. Суворова. — Москва ; Torino : РГАЛИ; Giulio Einaudi editore, 1996. — 849 с.
2. *Ахматова А. А.* Отрывок из перевода «Макбета» / А. А. Ахматова ; подг. текста Н. Г. Князевой // Литературное обозрение. — 1989. — № 5. — С. 18—21.
3. *Ахматова А. А.* Собрание сочинений : в 6 т. Т. 1. Стихотворения (1904—1941) / А. А. Ахматова. — Москва : Эллис Лак, 1998. — 966 с.
4. *Ахматова А. А.* Собрание сочинений : в 6 т. Т. 3. Поэмы. PRO DOMO MEA. Театр / А. А. Ахматова. — Москва : Эллис Лак, 1998. — 765 с.
5. *Ахматова А. А.* Собрание сочинений : в 6 т. Т. 7 (дополнительный). Переводы / А. А. Ахматова. — Москва : Эллис Лак, 2004. — 704 с.
6. *Некрасов Н. А.* Полное собрание сочинений и писем : в 15 т. Т. 2. Стихотворения 1855—1866 гг. / Н. А. Некрасов. — Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1981. — 447 с.
7. *Shakespeare W.* The tragedy of Macbeth [Electronic resource] / W. Shakespeare ; Edited by Charlton M. Lewis. — Yale : Yale University Press, 1918. — Access mode : [https://en.wikisource.org/wiki/Macbeth_\(1918\)_Yale](https://en.wikisource.org/wiki/Macbeth_(1918)_Yale) (accessed 23.06.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кихней Л. Г.* Функции шекспировских и дантовских мотивов в поэзии Анны Ахматовой / Л. Г. Кихней // Русская литература. — 2014. — № 2. — С. 156—176.
2. *Козубовская Г. П.* «Восточные переводы» А. Ахматовой / Г. П. Козубовская, Е. В. Малышева // Культура и текст. Литературоведение : сб. науч. трудов. — Санкт-Петербург ; Барнаул, 1998. — Ч. 1, № 3. — С. 62—77.
3. *Кормилов С. И.* Метрика, рифма и строфика в русских переводах из корейской поэзии (А. А. Ахматова, А. Л. Жовтис, Г. Б. Ярославцев). Статья первая / С. И. Кормилов, Г. А. Аманова // Вестник Московского университета. Серия 9 : Филология. — 2013. — № 5. — С. 92—115.
4. *Кормилов С. И.* О стихе переводов Анны Ахматовой из китайской поэзии / С. И. Кормилов, Г. А. Аманова // Вестник Московского университета. Серия 9 : Филология. — 2014. — № 2. — С. 62—93.
5. *Королева Н. В.* «И вот чужое слово проступает...» / Н. В. Королева // Ахматова А. А. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 7. (дополнительный). Переводы. — Москва : Эллис Лак, 2004. — С. 7—68.
6. *Олеша Ю. К.* Ни дня без строчки / Ю. К. Олеша. Москва : Советская Россия, 1965. — 304 с.
7. *Рецептер В.* Это для тебя на всю жизнь / В. Э. Рецепттер // Вопросы литературы. — 1987. — № 3. — С. 195—210.
8. *Тарковский А.* Предисловие / А. Тарковский // Голоса поэтов. Вып. 4. Стихи зарубежных поэтов в переводе Анны Ахматовой. — Москва : Прогресс, 1965. — С. 5—11.
9. *Тименчик Р.* Предисловие к публикации: Анна Ахматова. Отрывок из перевода «Макбета» / Р. Тименчик // Литературное обозрение. — 1989. — № 5. — С. 18—20.
10. *Харджиев Н. И.* О переводах в литературном наследии Анны Ахматовой / Н. И. Харджиев // Тайны ремесла. Ахматовские чтения. Вып. II. — Москва : Наследие, 1992. — С. 230—232.

11. Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. В 2 кн. Кн. 1 / Н. С. Хрущев. — Москва : Вече, 2016. — 896 с.

AN EXCERPT FROM “MACBETH” BY W. SHAKESPEARE, TRANSLATED AND INTERPRETED BY ANNA AKHMATOVA

© **Lyubov G. Kihney (2020)**, orcid.org/0000-0003-0342-7125, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History of Journalism and Literature, Private Educational Institution of Higher Learning “A. S. Griboedov Institute of International Law and Economics” (Moscow, Russia), lgkihney@yandex.ru.

© **Anna V. Lamzina (2020)**, orcid.org/0000-0001-6464-9675, Senior Methodist, Department of Foreign Languages, Moscow Institute of Physics and Technology (Dolgoprudny, Russia), alamzina@mail.ru.

The translation of an excerpt from Shakespeare's tragedy “Macbeth”, made by A.A. Akhmatova in 1933 is considered in the article. The results of a comparative analysis of the original text and the translation text are presented. The question of the purpose of translation is raised: it is proved that Akhmatova did not intend to translate the text of the tragedy in full, and the translation of the passage she performed was not a sketch for a failed translation, but an attempt to plunge into the semiosphere of “Macbeth”. The relevance of the study is due to a detailed analysis of the translation text, which had not previously been subjected to thorough literary research. The novelty of the research is seen in the fact that in the translation performed by Akhmatova the authors highlight semiotic shifts concerning the image of Macbeth: it differs in Akhmatova's interpretation from Shakespeare's. The authors dwell on the textual gaps of translation and show their importance for understanding the image of Macbeth: Akhmatova eliminates in the text all the moments that could characterize Macbeth positively. Particular attention is paid to references to Macbeth that appeared in Akhmatova's work after her translation of the above passage. It has been proven that this translation became the generator of Akhmatova's own artistic ideas, developed in the “Shakespearean” key.

Key words: literary translation; interpretation; the image of Macbeth; historical context; tragedy.

MATERIAL RESOURCES

- Akhmatova, A. A. (1989). Otryvok iz perevoda «Makbeta» [Excerpt from the translation of the play “Macbeth”]. *Literaturnoye obozrenie* [Literary review], 5: 18—21. (In Russ.).
- Akhmatova, A. A. (1996). *Zapisnyye knizhki Anny Akhmatovoy (1958—1966)* [Notebooks of Anna Akhmatova (1958—1966)]. Moskva; Torino: RGALI; Giulio Einaudi editore. 849 p. (In Russ.).
- Akhmatova, A. A. (1998). *Sobranie sochineniy. Stikhotvoreniya (1904—1941)* [Collected Works. Poems (1904—1941)]. Moskva: Ellis Lak. 6/1. 966 p. (In Russ.).
- Akhmatova, A. A. (1998). *Sobranie sochineniy. Poemy. PRO DOMO MEA. Teatr* [Collected Works. Poems. PRO DOMO MEA. Theater]. Moskva: Ellis Lak. 6/3. 765 p. In Russ.).
- Akhmatova, A. A. (2004). *Sobranie sochineniy. (dopolnitelnyy). Perevody* [Collected Works. Translations]. Moskva: Ellis Lak. 7/6. 704 p. (In Russ.).

- Nekrasov, N. A. (1981). *Polnoe sobranie sochineniy i pisem. Stikhotvoreniya 1855—1866 gg.* [Complete Works and Letters. Poems 1855—1866]. Leninrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie. 15/2. 447 p. (In Russ.).
- Shakespeare, W. (1918). *The tragedy of Macbeth*. Edited by Charlton M. Lewis. Yale: Yale University Press. Available at: [https://en.wikisource.org/wiki/Macbeth_\(1918\)_Yale](https://en.wikisource.org/wiki/Macbeth_(1918)_Yale). (accessed 23.06.2020).

REFERENCES

- Kikhney, L. G. (2014). Funktsii shekspirovskikh i dantovskikh motivov v poezii Anny Akhmatovoy [Functions of Shakespeare and Dante motives in the poetry of Anna Akhmatova]. *Russkaya literature* [Russian literature], 2: 156—176. (In Russ.).
- Khardzhiev, N. I. (1992). O perevodakh v literaturnom nasledii Anny Akhmatovoy [About translations in the literary heritage of Anna Akhmatova]. In: *Tayny remesla. Akhmatovskie chteniya* [Secrets of the craft. Akhmatov readings]. Moskva : Nasledie. 2: 230—232. (In Russ.).
- Khrushchev, N. S. (2016). *Vospominaniya. Vremya. Lyudi. Vlast'* [Memories. Time. People. Power]. Moskva: Veche. 2/1. 896 p. (In Russ.).
- Kormilov, S. I., Amanova, G. A. (2013). Metrika, rifma i strofika v russkikh perevodakh iz koreyskoy poezii (A. A. Akhmatova, A. L. Zhovtis, G. B. Yaroslavtsev). Stat'ya pervaya [Metrics, rhyme and stanza in Russian translations from Korean poetry (A. A. Akhmatova, A. L. Zhovtis, G. B. Yaroslavtsev). Article one]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Moscow University Bulletin. Philology], 5: 92—115. (In Russ.).
- Kormilov, S. I., Amanova, G. A. (2014). O stikhe perevodov Anny Akhmatovoy iz kitayskoy poezii [On the verse of Anna Akhmatova's translations from Chinese poetry]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Moscow University Bulletin. Philology], 2: 62—93. (In Russ.).
- Korolyova, N. V. (2004). «I vot chuzhoe slovo prostupaet...» [“And now someone else's word comes through...”]. In: *Akhmatova A. A. Sobranie sochineniy: (dopolnitelnyy). Perevody* [Collected Works. Translations]. Moskva: Ellis Lak. 6/7: 7—68. (In Russ.).
- Kozubovskaya, G. P., Malysheva, E. V. (1998). «Vostochnyye perevody» A. Akhmatovoy. [“Oriental translations” A. Akhmatova]. In: *Kultura i tekst. Literaturovedenie* [Culture and text. Literary criticism]. Sankt-Peterburg; Barnaul. 1 (3): 62—77. (In Russ.).
- Olesha, Yu. K. (1965). *Ni dnya bez strochki* [Not a day without a line]. Moskva: Sovetskaya Rossiya. 304 p. (In Russ.).
- Retsepter, V. (1987). Eto dlya tebya na vsyu zhizn' [This is for you for life]. *Voprosy literatury* [Literature issues], 3: 195—210. (In Russ.).
- Tarkovskiy, A. (1965). Predislovie. [Foreword]. In: *Golosy poetov. Vyp. 4. Stikhi zarubezhnykh poetov v perevode Anny Akhmatovoy* [Voices of poets. Poems of foreign poets translated by Anna Akhmatova]. Moskva: Progress. 4: 5—11. (In Russ.).
- Timenchik, R. (1989). Predislovie k publikatsii: Anna Akhmatova. Otryvok iz perevoda «Makbeta» [Preface to publication: Anna Akhmatova. Excerpt from the “Macbeth” translation]. *Literaturnoe obozrenie* [Literary review], 5: 18—20. (In Russ.).